Из записок барона Дедема

Антон Дедем де Гельдер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Выдержки из мемуаров наполеоновского офицера, голландского барона Антона Дедема де Гельдера о русском походе 1812 г.

- Из записок барона Дедема
  -
  - I
  - II
  - III
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Из записок барона Дедема

В текущем году[1] в Париже изданы записки генерала барона Дедем де-Гельдера[2], голландца, служившего в рядах французской армии во времена первой империи, после присоединения голландского королевства к Франции.

Барон Антон [Antoine Baudouin Gisbert] Дедем родился 23.08.1774 в Голландии; десяти лет от рода он отправился с родителями в Константинополь, где его отец занимал в течение 27 лет пост голландского посланника; там он готовился к дипломатической карьере, к которой его предназначал отец, хотя он выказывал с детства решительную склонность к военной службе. В юных летах он много путешествовал, посетил Грецию, Малую Азию, Египет; в 1793 г. вернулся на родину, в Голландию, и, вступив на дипломатическое поприще, занимал довольно видные для своих лет и ответственные должности. Так, в 1798 г. он был чрезвычайным посланником в Париже, с 1800–1810 гг. был последовательно чрезвычайным посланником при Вюртембергском дворе, в Берлине, в Вестфалии, в Неаполе. В 1810 г., когда Голландия была присоединена к Франции, барон Дедем решил переменить карьеру и посвятить себя военной службе и был назначен в 1811 г. командующим бригадою в дивизии маршала Даву, стоявшей в Голландии. В 1812 г. он совершил со своей бригадою поход в Россию в авангарде короля Неаполитанского и был ранен под Смоленском. Дедем один из первых вступил в Кремль, а во время отступления французской армии привез в Вильно известие об этом несчастии. Затем он служил в Великой армии в Германии под начальством маршала Нея, сражался при Бауцене, Лейпциге, Ганау и т. д.; после реставрации Бурбонов вернулся в Голландию.

Он скончался в 1825 г.

Барон Дедем оставил мемуары, сохранившиеся в его семействе, в которых он описал свою жизнь и политические и военные события, им пережитые; для нас интересна та часть этих записок, в коих он описывает кампанию 1812 г.; не вдаваясь в своем описании в изложение всем известных подробностей военных действий, он рассматривает эти события с точки зрения политической и дает критическую оценку действий французских генералов и Наполеона I, стараясь по возможности быть беспристрастным. Он рисует в своих записках настроение французской армии и ее вождей в начале и во время похода, указывает на многие слабые стороны в организации этой армии и на тяжелые условия, в коих она очутилась с самого вступления

своего на русскую землю; как смотрели на объявление войны России люди более дальновидные, каких они ожидали от нее результатов и, наконец, как относился сам Наполеон к делаемым ему предостережениям.

С этой частью записок барона де-Дедема мы намерены познакомить читателей «Русской Старины», т. к. его рассказ дополняет отчасти известные нам подробности великой эпопеи 1812 г.

I

В 1810 г., в то время, когда Голландское королевство, возникшее на развалинах Нидерландов, завоеванных Францией во время великой революции, было присоединено к французским владениям, барон Дедем де-Гельдер был посланником в Неаполе. Согласно полученному им приказанию, он передал бумаги посольства поверенному в делах Франции и сам отправился в Париж. Императорский двор находился в Фонтенбло. Все голландцы, представлявшиеся Наполеону, были принимаемы самым милостивым образом, из желания этим позолотить горькую для них пилюлю. Такого же приема удостоился и де-Гельдер и даже не редко был приглашаем на интимные вечера императрицы, где Наполеон подолгу беседовал с ними о делах Голландии и о лицах, стоявших там во главе правления.

Не имея никакого определенного назначения, но постоянно вращаясь в придворных сферах, де-Гельдер прожил в Париже до 15.04.1811, когда он был назначен бригадным генералом.

«В течение 8 месяцев, проведенных мною в Париже, — читаем в его записках, — я имел следить за ходом политических дел в Европе. Я виделся ежедневно с герцогом де-Бассано, с князьями Меттернихом и Шварценбергом, с графом Нессельроде, который был в то время официально секретарем русского правительства в Париже, но в действительности был советником посланника князя Куракина и пользовался уже доверием императора Александра.

Нессельроде жаловался мне неоднократно на то, что от министра иностранных дел герцога Кадора никогда нельзя было добиться никакого положительного ответа. Он не хотел даже передавать заявлений посланника и говорил зачастую: «я не смею сказать этого императору». Нессельроде замечал, что, действуя таким образом, нельзя будет придти к соглашению, и что Россия и Франция поссорятся вследствие того, что они не имеют возможности объясниться.

— Между тем ни вы, ни мы не нуждаемся в новой войне, — говорил он; — у вас своя болячка — Испания, у нас Турция, где мы ведем войну столь же неполитичную и разорительную, как на Пиренейском полуострове.

Нессельроде искренно желал, чтобы мир не был нарушен; и хотя он предвидел, что мир не будет продолжителен, но старался выиграть время. Он попросил меня переговорить об этом с герцогом де-Бассано, который тотчас передал его слова императору. Герцогу было приказано немедленно переговорить с Нессельроде; после первого же их свидания, Наполеон был вне

себя от гнева по поводу того, что герцог Кадор не передавал ему все, что следовало, и отрешил его от должности, назначив министром иностранных дел де-Бассано, который давно уже добивался этого назначения, хотя совершенно не годился для него.

Де-Бассано высказывал в это время нередко такие же странные взгляды, как и его монарх. Беседуя с ним, я старался однажды доказать ему, что император Александр I не мог присоединиться к континентальной системе, и, воспользовавшись случаем, сказал то, что граф Нессельроде просил меня передать ему, что император Александр искренно желал сохранить дружественные отношения к Франции и дорожил дружбою Наполеона, но что он не мог объявить войну Англии.

— России, — отвечал министр, — остается только сделать свой выбор и присоединиться всецело к нашей системе, а для того чтобы мы были в этом вполне уверены, ей надобно предоставить нам право разместить французских таможенных чиновников от Ревеля до Кронштадта; но передайте графу Нессельроде, что малейшие переговоры с Англией послужат поводом к войне с Францией.

— Впрочем я сам скажу ему это, — прибавил он.

Поляки видимо желали войны; все известия, получаемые из Варшавы, свидетельствовали о том, что Россия имела полное право жаловаться на враждебные демонстрации со стороны поляков. Наполеон считал себя еще не готовым к войне, и это заставляло его медлить.

Когда я уехал в Гамбург, то император приказал мне вести переписку с герцогом де-Бассано и уведомлять его обо всем, что я узнаю от моих прежних политических друзей в Германии. Это могло быть весьма затруднительно для меня, т. к. мой начальник, князь Экмюльский, был человек крайне неспокойный и подозрительный. Однако, он не препятствовал мне исполнить возложенное на меня поручение с одной стороны потому, что я сообщил ему о повелении императора, а во-вторых, потому, что я часто сообщал ему получаемые мною депеши. Он держал себя очень тактично.

— Я смотрю на вещи иначе, — говорил он; — я пишу в своих донесениях совершенно противное; но каждый из нас должен писать обо всем так, как он смотрит на дело.

18 месяцев спустя герцог де-Бассано сказал мне в Варшаве: «вы были жестоким пророком», но на мои донесения до тех пор обращали весьма мало внимания или, лучше сказать, на них никто не обращал внимания, т. к. все были ослеплены удачей. Я писал, между прочим, из Ростока, что нашими притеснениями мы

до такой степени восстановили против себя Германию, что народ восстанет против нас, не спрашивая согласия своих монархов, и что если мы испытаем в России малейшее поражение, то мы можем быть отрезаны от Франции; немцы наверно восстанут поголовно, чтобы избавиться от владычества французов, и восстание это распространится до пределов Голландии. Я сообщил также любопытные подробности о России, о непреклонном намерении русских все сжечь и опустошить и завлечь нас в пустынную местность, чтобы уморить голодом.

Положение дел обрисовывалось в таком виде уже в 1811 г., и я тогда же посылал об этом донесение за донесением в Париж. Сын герцога Мекленбургского служил в России; отец писал ему, чтобы он подал в отставку, но молодой принц отвечал, что напротив следует как можно более сблизиться с Петербургским двором, что сумасбродства Наполеона и его владычество окончатся вместе с осуществлением его планов против России и что последняя освободит Германию от его ига. Адъютант этого принца, приехавший из Петербурга, сообщил мне еще некоторые сведения, которые должны были послужить предостережением. Я добросовестно передал их кому следовало, но министр и император были не особенно довольны моим пророчеством. Я очень сожалею, что копии с моих писем утрачены в России. Тем не менее я могу утверждать, что такова именно была сущность моих предсказаний, которые высказывались мною быть может более энергично. Я честно служил императору и всегда говорил ему правду, рискуя заслужить его неудовольствие.

Менее всего мы сходились с князем Экмюльским в одном пункте, а именно: относительно намерений берлинского двора. Он совершенно не доверял обещаниям короля и его министров; я ничего не утверждал относительно министров, но ручался за короля, чистосердечный характер которого мне был известен. Я хорошо знал все происходившее в Берлине, но Франция хотела думать, что Пруссия не права.

Наполеон ненавидел короля и всегда мечтал свергнуть его. Как истый корсиканец и итальянец, Наполеон не мог даже представить себе, каким образом Фридрих-Вильгельм мог искренно быть его союзником и другом. Французские генералы хотели воевать с Пруссией, чтобы получить поместья.

— Где же вы хотите, чтобы мы получили земли, как не в Пруссии? — говорили мне некоторые из них.

— Не в пустынях ли России, — говорили другие, — нам дадут майораты? Вы плохой товарищ, если вы не хотите, чтобы мы заняли Пруссию.

Наполеону с трудом удалось сделать эту державу своей

союзницей; против этого восставали многие, между прочим маршал Даву, который до последней минуты надеялся, что мы отнесемся к ней как к стране неприятельской. Но, несмотря на это, получив противные приказания императора, он честно вел переговоры с генералом бароном Кнобельсдорфом, коему королем прусским было поручено сделать вместе с маршалом Даву надлежащие распоряжения для прохода армии через Штеттин и Данциг.

Вскоре после моего приезда в Гамбург маршал послал меня инспектировать 111-й полк и присутствовать при его окончательном сформировании. Надобно было сформировать 4-й и 6-й батальоны таким образом, чтобы в них было старых солдат и унтер-офицеров столько же, сколько в других батальонах, в которые надобно было перечислить соответственное число новобранцев.

Это дело требовало большого внимания; несмотря на обстоятельные инструкции, данные нам начальником штаба, некоторые генералы не удостоились за это похвалы; я же был настолько счастлив, что заслужил полное одобрение маршала, и он поставил меня в пример другим. Вскоре он поручил мне командование 2-й бригадою прекрасной дивизии генерала Фриана [Friant], и мне пришлось поселиться в Новом Бранденбурге в Мекленбург-Стрелице.

Сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь месяцы (1811 г.) были употреблены на обучение офицеров и солдат. Трудно себе представить, как много от нас требовали. Мы едва успевали поесть. Маневры, учения, экзамены в полковых школах, бесконечные рапорты, — все это следовало одно за другим. Мы были заняты с 5:00 до 18:00. Едва ли когда-нибудь так заботились о войске и старались поддержать в нем столь строгую дисциплину.

За потерянный платок наряжали строжайшее следствие. В случае малейшей жалобы со стороны местных жителей, виновные подвергались самому строгому наказанию. Новобранцев судили сами солдаты. Штаб-офицеры не могли оставить лагерь и отправиться в город, не получив особого дозволения от бригадного генерала.

В моем 33-м полку было 1500 солдат, достаточно хорошо обученных для того, чтобы быть произведенными в унтер-офицеры; из них более 700 человек знали десятичную систему счисления, первые три правила арифметики, основы полевой фортификации, а 300 человек могли бы занять место секретарей в департаменте любого министра. Можно оплакивать потерю всех этих доблестных людей, погибших в России скорее по вине

главного штаба, нежели от морозов.

Войска расположились на зимних квартирах лишь 15 декабря, и то не надолго. Обучение солдат продолжалось также деятельно, как прежде, и хотя солдаты имели более отдыха, чем в лагере, но за то бригадным генералам было гораздо более дела. Несмотря на то, что зима была очень суровая и дороги были занесены снегом, я разъезжал все время верхом, осматривая отдельные части в местах их расквартирования.

Войскам было строго-на-строго запрещено требовать хотя бы один рацион более того, что полагалось; за всякую самовольную реквизицию виновного принуждали уплатить ее стоимость, и кроме того он подвергался наказанию, каков бы ни был его чин. Генералу Дальтону был сделан выговор в дневном приказе, и он был посажен на три месяца под арест за то, что потребовал столовые деньги, не утвержденные маршалом. Только благодаря этой строгости Мекленбург мог прокормить такое огромное количество войска, превышавшее его средства».

13.01.1812 генералу Дедему было приказано выступить с его бригадой из места ее стоянки, а в начале марта вся армия выступила в поход.

Пруссаки встретили французскую армию крайне недоброжелательно и были недовольны кое-какими злоупотреблениями со стороны французов, которые были неизбежны при проходе такого огромного войска в стране бедной, жители которой, не любя французов, неохотно давали им самое необходимое.

«Наши французы особенно страдали от недостатка вина, — пишет генерал Дедем; — немцы его не употребляют, а мои офицеры были не в духе, когда им приходилось обходиться без вина. Куда бы мы не пришли, нас встречали с неудовольствием; дамы в особенности не скрывали своего отчаяния по поводу того, что их король был союзником Наполеона против России. Все это еще более подтверждало то, что я неоднократно писал герцогу Бассано. Губернатор Данцига, генерал Рапп, принял нас великолепно; тут последний раз рассортировали людей, которые были не в состоянии переносить тягости военного времени, но офицерам было безусловно запрещено возвращаться во Францию: им велено было всем остаться в Штеттине. В Данциге изготовлялись для армии сухари; для перевозки их и бочек с мукой и солониной были приготовлены телеги нового образца, но армия была двинута в Россию слишком поспешно. Т. к. русские все разорили по пути, то возницы и их лошади истребили дорогою провиант, предназначенный для войск, и повозки пришли к месту назначения почти пустые.

Мы двинулись в половине мая на Эльбинг, где нашли принца Экмюльского. Мы простояли на квартирах в окрестностях Браунсберга до 11 июня; в этот день армия двинулась далее. Принц Экмюльский хотел, чтобы его войско казалось многочисленнее, нежели оно было на самом деле, и приказал проходя через города, идти не по-взводно, но по-полувзводно. Еще важнее было приказание, имевшее самые прискорбные последствия, а именно, чтобы выступая из Данцига, каждый полк взял с собою не более 1500 пар сапог, не считая тех трех пар, которые были розданы каждому солдату и находились всегда при нем.

Пока шли все эти приготовления, я поселился в замке Линденау, в двух льё от Браунсберга, где я застал и генерала Фриана; тут я получил знаменитый приказ по полку, который весьма естественно возбудил ропот среди пруссаков. Каждому военному, офицеру и солдату, было предписано взять у того, у кого он квартировал, съестных припасов на 10 дней. Мы запаслись сухарями и хлебом; у каждого солдата был небольшой мешочек с 10 фунтами риса и другой с 10 ф. муки, которые были завернуты в шинель. Мы забрали у местных жителей все телеги, для которых нашлись упряжные лошади, чтобы везти на них фураж и даже солому. Трудно себе представить, какое мы причинили разорение несчастным жителям. В Гумбиннене император произвел смотр некоторым корпусам армии и объявил о производствах. Мы двинулись на Вильковишки по направлению к Неману; роковой момент приближался.

Мы прошли через Пруссию не как чрез союзную страну, а скорее как чрез страну завоеванную.

Приказ относительно десятидневного провианта был не что иное, как данное официально разрешение грабить и делать насилия; видя все это, отеческое сердце короля прусского должно было обливаться кровью. Но лояльность этого монарха была так велика, что он до последнего момента давал Наполеону (который был в то время номинально его союзником) самые драгоценные советы и оказывал ему самую существенную помощь. Его честность была такова, что до похода, в продолжение и по окончании его он старался не поддаваться своим сомнениям в искренности Наполеона по отношению к нему, но старался уверить себя в том (таково было свойство его великодушного сердца), что Наполеон поймет наконец свои собственные выгоды, интересы Франции и все Европы и не только поддержит, но даже увеличит Пруссию.

Неман был перейден 24 июня[3] не без некоторого колебания. Граф Нарбонн, посланный к императору Александру I с

поручением в Вильно, передал Наполеону мирные предложения, сделанные государем, который возложил всю ответственность за войну на нас, сказав: «чего хочет от меня император французов? будем жить по-прежнему в добром согласии, время еще не ушло; но если вы перейдете Неман, то я завлеку французскую армию в глубину России, где она найдет свою могилу».

Трудно изобразить величественную картину, которую представляло 600000-е войско, расположившееся у подошвы холма, на котором Наполеон приказал разбить свои палатки. С этой возвышенности он обозревал всю армию, Неман и мосты, приготовленные для нашей переправы.[4] Мне удалось случайно полюбоваться этим зрелищем. Дивизия Фриана, которая должна была находиться в авангарде, сбилась с пути и достигла возвышенности в то время, когда вся армия была уже в сборе. Император, увидав, что мы наконец появились, подозвал Фриана и стал давать ему приказания. В это время дивизия остановилась в ожидании своего начальника перед императорской палаткой; я подошел к группе генералов, составлявших свиту Наполеона. Среди них царствовало зловещее молчание, чуть не уныние. Когда я позволил себе пошутить, генерал Огюст де-Коленкур, с которым я был в дружественных отношениях, сделал мне знак и сказал тихонько: «здесь не смеются; это великий день». Он указал при этом на противоположный берег реки, как будто хотел присовокупить: «вот наша могила».

Когда император прекратил разговор с генералом Фрианом, дивизия прошла мимо всех армейских корпусов, направляясь к мостам; вскоре она очутилась на противоположном берегу. Тогда солдаты испустили громкие крики радости, которые привели меня в ужас; они как будто хотели сказать: «Теперь мы на неприятельской земле! наши офицеры не будут более наказывать нас, когда мы будем кормиться за счет жителей!» До тех пор, согласно строгому предписанию императора, начальству удалось поддержать строгую дисциплину. Прокламации напоминали войску, что, проходя по владениям короля прусского, мы находились на территории союзника и что к нему следовало относиться так, как будто мы находились на французской земле. Мы видели, к сожалению, что это приказание нередко было забыто или пренебрежено; но по крайней мере войско поступало в таких случаях вопреки приказанию начальства, которое удерживало солдат, говоря: «когда мы будем на русской земле, вы будете брать все, что захотите». Таким образом министры и генералы Наполеона следовали тому же принципу, коим руководствовались, как повествует нам Тацит, в своих действиях римские сенаторы и первые императоры: «Римляне, говорит он,

не относились к тем нациям, с которыми они воевали, как к неприятелю, защищающему свое отечество, но как к рабам, которые осмелились возмутиться».

Авангард обошел лес, росший у берега, но мы нашли в нем только кое-где следы людей; мы были уже в стране пустынной. Император, принц Невшательский, король Неаполитанский и принц Экмюльский прокатились по сосновому бору и были удивлены или быть может испуганы тем, что они не видели нигде ни жителей, ни русских солдат. Поляки, посланные на высокие, поросшие лесом холмы, чтобы обозреть местность, донесли, что издали виден ариергард неприятеля, двигавшийся по направлению к Вильно.

В два часа мы вошли в Ковно. Кавалерия, под командою генерала Пайоля, вступила туда еще по утру, и при приближении ее неприятельская кавалерия выступила из города. Как известно, русские, сделав вид, будто они намерены защищать переправу через Неман, отступили поспешно за Двину, где генерал Пфуль устроил Дрисский укрепленный лагерь. Уже в Ковно армейские полки убедились в том, что им придется все уступать гвардии, чем они были весьма недовольны. Мы нашли в городе много всяких съестных припасов, но вскоре было получено приказание поставить у городских ворот караул и не впускать ни солдат, ни офицеров, ни даже генералов, т. к. все должно быть предоставлено в распоряжение императорской гвардии, которая одна вступит в город; остальные корпуса, не исключая авангарда, должны были стать по другую сторону города. Таким образом мы стали бивуаком по дороге в Вильно в двух верстах от города в сосновом лесу, на берегу Вилии, между тем как император остановился в Ковно, а гвардия грабила магазины и частные дома. Жители разбежались и разнесли ужас и уныние по окрестности. Этот пример конечно не мог побудить население прочих городов встречать нас с удовольствием и доставлять нам все необходимое. Однако энтузиазм поляков и их желание вернуть самостоятельность были столь велики, что многие из них все же встречали нас как желанных гостей.

Русские сожгли большой виленский мост, чтобы замедлить наше движение, которое и без того было крайне затруднено дождями и плохим состоянием дорог. Транспортные повозки запаздывали; они прибывали не редко тогда, когда войско уже успевало выступить с известного пункта, вследствие чего солдаты на первых же порах продовольствовались очень дурно. По недостатку хлеба и овощей, они ели слишком много мяса, которого было в изобилии. Все те, которые участвовали в походе 1806 г., выводили изо всего этого весьма неутешительные

заключения. Состоявший под моим начальством полковник Pouchelon, командовавший 33-м линейным полком, участвовал в битве при Эйлау и был женат на богатой польке; он имел знакомых среди местных поляков и был человек умный и способный, хотя довольно угрюмый; он предсказывал мне в самом начале, что дела примут дурной оборот. Месяц спустя, в Витебске, он сказал мне: «Я посылаю обратно все свои вещи. Армия погибла». Хотя Наполеона во многих случаях обманывали, но ему стало известно вскоре по вступлении в Россию, что армия отчаивается в успешном исходе войны.

Мы вступили в Вильно 28-го числа. Польские помещики, державшие сторону России, выехали из города; польская партия приняла нас восторженно; но Наполеон не был доволен теми средствами, коими он располагал для дальнейших действий, поэтому он не мог обнадеживать поляков относительно их будущей независимости.

— Воспользуйтесь случаем, — сказал он польским депутатам; — постарайтесь вернуть свою независимость, пока я веду войну с Россией. Если вы усилитесь, то я включу вас в условия мирного договора, но я не могу проливать за вас кровь французов; и если император Александр предложит мне заключить мир на возможных условиях, то я буду вынужден оставить вас.

Этот ответ, редкий по откровенности со стороны завоевателя, был переделан и смягчен министрами и приближенными императора, но поляки напрасно полагались на слова этих подчиненных лиц. Им следовало руководствоваться словами самого Наполеона; они также напрасно обвиняли его впоследствии по поводу его мнимых обещаний. Я слышал от одного из депутатов, что Наполеон даже сказал им:

— Я вижу, что у вас нет достаточно средств; советую вам не компрометировать себя по отношению к русскому императору; я с минуты на минуту могу заключить с ним мир.

В Вильковишках Наполеон обнародовал прокламацию против русских и их монарха. В Вильно же мы познакомились с содержанием прокламации императора Александра, которая была написана не менее энергично; за нею было право и справедливость. Что же касается воззвания, с коим литовский комитет обратился к полякам, то в нем, равно как и в высокопарном донесении Варшавского сейма, возвещалось восстановление Польского королевства. Но все, кто знал близко Наполеона и его манеру выражаться, понимали, что в этих прокламациях гораздо менее было видно намерение императора восстановить королевство Польское, нежели чрезвычайное желание поляков, чтобы это совершилось, хотя все их надежды

основывались только на двусмысленных обещаниях французских министров. Решив что-либо, Наполеон имел обыкновение выражать свое намерение вполне ясно. Обманчивые надежды, честолюбие и поверхностное знание человека, с которым им приходилось иметь дело, разногласие между словами министров и тайными планами монарха, в которых поляки не могли дать себе отчета — вот что ввело в заблуждение этих восторженных людей, которым было простительно горячо желать восстановления независимости их отечества.

Неприятельская армия совершила отступление бесподобно; это движение делает большую честь ее генералам и дисциплине солдат. 27-го июля вечером нас отделял от нее глубокий овраг. Линия русских войск тянулась вправо и влево. По утру на рассвете русское войско исчезло как бы по мановению волшебного жезла. Каждый из нас искал его и удивлялся тому, что его не видно; но наше удивление возросло, когда, несмотря на быстроту нашего форсированного марша, нам не удалось уже не говоря отыскать русскую армию, но даже напасть на ее следы.

Пройдя три версты за Витебск, мы не могли еще определить, в каком направлении совершилось отступление русских. Нигде не было ни одной павшей лошади, ни забытой повозки, ни отсталого солдата.

Однако самомнение французов было так велико, что я сам был свидетель, как некоторые генералы сердились, если кто-либо выражал свое удивление по поводу этого отступления. Я дерзнул во всеуслышание выразить свое удивление. Мне отвечали холодно, что слово «отступление» не существует в словаре французской армии! Это не помешало мне пожелать в душе, чтобы наша армия, через несколько времени, также блистательно совершила бы свое отступление.

Наполеон, которому был передан этот разговор, был весьма недоволен моими замечаниями, и я узнал в Витебске, что меня изобразили в его глазах фрондером и политическим резонером. Действительно, я руководствовался всегда неизменным правилом говорить то, что я думал о нашем положении; это было одно из свойств моего независимого характера. Я имел вследствие этого однажды горячее объяснение с генералом Фрианом. Он хотел, чтобы я представил ему отчет о состоянии 33-го линейного полка и чтобы я показал численность его в 3280 человек, тогда как в действительности в нем осталось, как мне было известно, не более 2500 человек. Форсированные переходы, недостаток продовольствия способствовали этой страшной убыли более, нежели неприятельский огонь. Генерал Фриан полагал, что Наполеон рассердится на короля Неаполитанского, и т. к. он

желал добиться новых милостей, то боялся повредить себе, разгневав монарха, и поэтому предпочел ввести его в заблуждение.

«Вы не хотите дать мне ведомость, которую я требую, — сказал он, — я сумею достать ее и без вас». Действительно, полковник Pouchelon составил ее в том виде, как желал Фриан, т. е. показав наличный состав полка в 3500 человек. Когда я укорял его за это, то он ответил мне: «я не хочу ссориться с генералом Фрианом. Неужели вы думаете, что это делается без ведома маршала? Не будем им мешать». Я узнал впоследствии, что в представленной императору ведомости численность армии была показана на 35000 человек более действительной. Также точно поступали и относительно провианта. Я уже говорил, что, уходя с зимних квартир с Пруссии, каждому солдату был дан небольшой мешочек с 10 фун. риса и другой с 10 фун. муки; по расчету гг. интендантов главной квартиры содержимое этих мешочков должно было заменить в случае надобности 20 дневный паек. По этому расчету генерал граф Матье-Дюма[5] заявил в Витебске, что дивизия Фриана имела продовольствия еще на 17 дней, тогда как нам уже приходилось пользоваться запасами. Если что-либо может служить оправданием Наполеона, так это именно то, что его жестоко обманывали в донесениях.

Запасы риса и муки были уже початы. Мои лошади зачастую голодали.

Бывая в гостях у графа Дарю или у генерала Матье-Дюма, я приносил вечером один или два беленьких хлебца моим полковникам, в виде лакомства, а эти господа, желая отплатить мне за внимание любезностью, посылали мне, в виде большого подарка, по половине ржаного хлеба для моих солдат. По этому можно судить, каково было наше положение во время нашего триумфального шествия. И при подобных-то обстоятельствах императору осмелились сказать официально, что дивизия Фриана имела съестных припасов на 17 дней. В награду за такое усердие и заботливость Наполеон назначил в Витебске генерала Фриана командиром лейб-гвардии гренадерского полка. Это была награда для генерала, который долго командовал войском на войне, который уже в Египте командовал дивизией и был известен как один из самых деятельных и лучших строевых офицеров армии; но разумеется, это не свидетельствовало об его административных способностях и умении организовать войско. Принц Экмюльский, двоюродный брат Фриана, очень верно охарактеризовал его, сказав: «генерал Фриан сам не знает, что говорит; он умен только на поле битвы».

В течение 12 дней, которые я стоял лагерем в двух верстах от

Витебска, мне пришлось, чтобы не умереть с голода, посылать партии людей за провиантом для моих батальонов и для главного штаба. Эти партии отправлялись за 5, за 6 верст, переправлялись даже за реку и возвращались обыкновенно с хорошей добычей; но некоторые из них попадались в руки казакам. Известно, что мародерство действует на армии развращающим образом, уничтожает дисциплину, способствует дезертирству и вызывает со стороны солдат жестокие поступки, коими они потом хвастаются; слушая их, я содрогался. Война ожесточает человеческое сердце. Новобранцы были кротки и человеколюбивы, многие же из старых солдат утратили всякое нравственное чувство.

Немецкие корпуса соблюдали обыкновенно порядок и дисциплину даже при отступлении. Голландцы менее всего переносили лишения, форсированные переходы, холода. Их нравственный дух был вскоре поколеблен. Ими были довольны в отношении храбрости и обучения офицеров; но молодые люди, в особенности, страдали сплином, падали духом при мысли о том, что их ведут далеко от родины, тосковали по своим методическим привычкам, и большинство из них не отличалось той веселостью, любовью к завоеваниям и господству, какими отличались французы, что, поддерживая в них бодрость духа, давало им возможность легче переносить лишения и сутолоку, среди которой нам приходилось жить. Маршал Даву пользовался еще по-прежнему влиянием; дела шли еще, на взгляд, достаточно хорошо для того, чтобы император не имел повода упрекать его за то, что он советовал ему начать поход в то время, когда Испания причиняла еще Франции довольно большие затруднения. Наполеон надеялся, что в Витебске к нему явится русская депутация для переговоров, но он ошибся в своих расчетах.

Император созвал совет, на котором обсуждался вопрос о том, куда идти — на Петербург или на Москву, или же остановиться, организоваться в Польше, устроить продовольственные магазины и прежде, нежели идти далее, уничтожить русскую армию, возвращавшуюся с турецкой границы. Была сделана попытка войти в сношение с казаками, которым подали надежду на образование независимого государства.[6] Ответ получился неопределенный, уклончивый, даже отрицательный. Казаки дали понять, что они не видели никакой выгоды уйти из-под русского владычества, чтобы подпасть под власть Наполеона, от которого они могли ожидать не столько свободы, сколько деспотизма.

В окрестностях Витебска население проявило революционные чувства. Помещики со всех сторон стали обращаться к витебскому

губернатору, генералу Шарпантье, с просьбою прислать охрану для их защиты от крестьян, которые грабили помещичьи дома и дурно обходились с самими помещиками (я сам видел, как многие семейства переехали в Витебск, заботясь о своей безопасности). Я полагаю, что император мог бы возбудить восстание в русских губерниях, если бы он хотел дать волю народу, т. к. народ этого ожидал, но Наполеон был уже в то время не генерал Бонапарт, командовавший республиканскими войсками. Для него было слишком важно упрочить монархизм во Франции, и ему трудно проповедывать революцию в России.

Решив идти на Смоленск, Наполеон двинулся вперед 11 августа, и 17-го числа мы атаковали город. В этот день несколько тысяч человек было убито без всякой пользы, т. к. уже в 16:00 по некоторым признакам можно было судить, что неприятель готовится сжечь город и оставить его, хотя он еще оборонялся весьма энергично.

Красивый, богатый и хорошо обстроенный Смоленск пострадал не только от бомбардировки, но был почти совершенно разграблен и сожжен. Дивизия Фриана прошла сквозь пламя на городскую площадь, где и расположилась бивуаком. Я провел ночь на этой площади, лежа на роскошном диване, который солдаты принесли из одного из соседних богатых домов. Я ел на ужин варенье, которое было превосходно; судя по огромным запасам, которое мы находили везде, в особенности в Москве, надо полагать, что русские помещики истребляют варенье в огромном количестве. Мне принесли два великолепных ананаса и персиков, хотя я предпочел бы съесть хорошего супа, но на войне разбирать не приходится, надобно есть то, что придется.

Надежда на то, что мы отдохнем в Смоленске, не осуществилась. Я получил в 4:00 приказание двинуться далее и занять укрепления за Днепром, затем мы прошли по развалинам предместья, и вся армия двинулась к Москве. От Наполеона зависело окончить войну в Смоленске, восстановив королевство Польское, за что Европа была бы ему признательна. Если верить тому, что я слышал, то русские ожидали этого. Говорили, будто генерал Вильсон, бывший представителем Англии в главной квартире, писал в Петербург и Лондон, в первой депеше: «Все потеряно; Смоленск взят», а два дня спустя он послал второго курьера с известием: «Все спасено, французы идут на Москву». Император Наполеон не сумел остановиться в Смоленске.

Русские очистили постепенно Дорогобуж, Вязьму, Гжатск и имели с нами несколько довольно жарких стычек, впрочем, не имевших особенного значения, т. к. в деле бывал только один авангард.

Дорогобуж был довольно порядочный городок; Вязьма, красивый город, казался только что отстроенным; он сожжен в то время, когда армия находилась в Москве; Гжатск менее обширен. Император провел тут два дня, чтобы дать отсталым и ослабевшим время подойти и присоединиться к своим полкам. Он хотел сосредоточить свою армию, т. к. все предвещало, что мы приближаемся к решительному дню. Всем было известно, что фельдмаршал Кутузов заступил место Барклая-де-Толли и что победитель турок, желая отомстить за Аустерлиц, хочет дать нам сражение, не доходя до Москвы, чтобы спасти столицу».

II

Упомянув о Бородинском сражении и коснувшись более подробно некоторых стычек, в которых автор сам участвовал, он останавливается на описании вступления Наполеона в Москву.

«Шпион, — говорит он, — добродушно принятый нами за дезертира, сообщил нам, что русские собирались дать нам сражение под стенами Москвы, где позиция их была сильно укреплена. Действительно, 2/14 сентября поутру мы заметили некоторые приготовления; русские вырубили деревья, возводили редуты, а на высотах, окружавших Москву, виднелась кавалерия. Я следовал с моей бригадою по пятам за королем неаполитанским, который, идя все время вперед, указывал нам путь. Мы видели его постоянно среди разведчиков, и неприятель мог также легко различить его по его большому белому султану и по зеленому плащу с золотыми петлицами. Русские сделали четыре или пять выстрелов из орудия, но огонь вскоре прекратился; пронесся слух, будто начались переговоры. Но адъютант императора, генерал граф Нарбонн, посланный с каким-то поручением к королю неаполитанскому, сказал мне: «Кончено, русские покидают Москву, оставляя ее на великодушие французов». Немного погодя император проехал в экипаже и, подозвав меня, сказал: «Прикажите войскам двинуться, еще не кончено». Я видел ясно, что он был озабочен; не знаю, какие были к тому причины, но очевидно, гр. Нарбонн считал известие, привезенное им, более благоприятным, нежели его нашел император. Быть может, его величество был недоволен радостью, которую выказали солдаты при мысли, что скоро начнутся переговоры о мире. Они ясно выразили эти чувства, приветствуя императора в то время, когда он проезжал мимо них к городу.

Был седьмой час вечера, как вдруг раздался выстрел со стороны Калужских ворот. Неприятель взорвал пороховой погреб, что было, по-видимому, условленным сигналом, т. к. я увидел, что тотчас взвились несколько ракет и полчаса спустя показался огонь в нескольких кварталах города. Как только я убедился, что нас хотели поджарить в Москве, я тотчас решил присоединиться к моей дивизии, стоявшей бивуаком, не сходя с лошадей, на Владимирской дороге, под стенами города; я устроил свою главную квартиру на мельнице, где я был уверен, что я не буду сожжен. Ветер был очень сильный; к тому же было очень холодно. Только слепой мог не видеть, что это был сигнал к войне на жизнь и смерть; все подтверждало известия, полученные мною еще в январе месяце в Ростоке и Висмаре относительно

намерения русских сжечь свои города и завлечь нас в глубь России. Я уже говорил, что я предупреждал об этом герцога де-Бассано и что король прусский, как верный союзник, предсказал императору Наполеону все, что с нами случилось и что ожидало нас впереди.

Лучшие дома Москвы были покинуты жителями, из коих иные уехали всего за несколько минут до нашего вступления в город.

Трудно себе представить чисто азиатскую роскошь, коей следы мы видели в Москве. Запасы, хранившиеся во дворцах и частных домах, превзошли наши ожидания. Если бы в городе был порядок, то армии хватило бы продовольствия на три месяца; но дисциплины более не существовало. Провиантские чиновники думали только о себе. Раненым генералам отказывали в красном вине под предлогом, будто его не было, когда же, шесть недель спустя, герцог Тревизский взорвал Кремль, то он приказал перебить хранившиеся там 2000 бутылок вина для того, чтобы солдаты молодой гвардии не перепились. Для того чтобы получить куль овса, надобно было иметь разрешение генерал-интенданта, а его было довольно трудно получить, а когда мы ушли из Москвы, то в магазинах осталось столько овса, что его хватило бы для прокорма 20000 лошадей в течение шести месяцев. Уезжая из Москвы, я видел неимоверной длины склад, под сводами которого хранились кули с превосходной крупичатной мукою; склад этот был предан разграблению, а между тем за неделю перед тем я с трудом получил мешок самой грубой муки. Если бы чиновники и в особенности низшие служащие выказали более деятельности и старания, армия была бы лучше обмундирована и накормлена. Более третьей части города осталось нетронутой, и в ней было в изобилии все то, в чем мы нуждались. В городе не было только сена и соломы, и принц Невшательский посылал за ними по окрестным деревням. Казаки нередко уводили у нас лошадей, захватывали экипажи. Жителям Москвы надоели безобразия, чинимые нашими слугами; потеряв терпение, они стали убивать их или бежали просить помощи у казаков в то время как наши люди пировали и нагружали всяким добром свои повозки и лошадей. Мне кажется, что наши дела были бы гораздо лучше, если бы мы действовали осторожнее. Мне удалось обставить дело так, что мои фуражиры возвращались всегда благополучно дня через 4–5, и приносили мне яйца, картофель и иногда дичь, благодаря тому, что мною было отдано строгое приказание ничего не брать даром кроме фуража, а за все остальное платить. Один сержант, человек весьма порядочный, сопровождал всегда моих слуг с несколькими

вооруженными солдатами. Он не допускал никаких злоупотреблений, и эта мера дала прекрасные результаты. Однажды, жители деревни, в которую мои люди часто являлись за покупками, вышли к ним на встречу, неся двух кур и яйца, и советовали им не входить в деревню, т. к. у них были казаки, что оказалось совершенно справедливо.

Мне послужил также на пользу следующий случай. Я встретил двух солдат, нагруженных серебряными вазами и церковной утварью; это было в двух шагах от маленькой церкви, находившейся возле занятого мною дома; я подумал, что солдаты ограбили именно эту церковь, отправился туда и передал все вещи священнику, открывшему мне двери.

Солдаты продавали за бесценок великолепные шубы. В Кремле, в комнатах, предназначенных для императорской гвардии, хранились серебряные вызолоченные блюда, брильянты, жемчуг, шелковые ткани и т. п. Я представлял себе мысленно картину Самарканда при нашествии Тамерлана. Пылавший город напомнил мне также пожары, истребившие на моих глазах часть Константинополя и Смирны; но этот раз зрелище было величественнее: это было самое потрясающее зрелище, какое мне довелось видеть. Я никогда не забуду четвертую ночь по вступлении нашем в город, когда император был вынужден покинуть Москву и искать убежища в Петровском дворце. Я выступил накануне со своей дивизией по Владимирской дороге, но страдания, которые я испытывал после взятия Смоленска, вследствие полученной мною сильной контузии, так усилились, что я не мог более сидеть на лошади и был вынужден просить у короля неаполитанского позволение уехать для пользования в Москву, сдав временно командование бригадою. Пламя пожара освещало дорогу на расстоянии более двух верст от города; подъезжая к Москве, я увидел целое море огня и т. к. ветер был очень сильный, то пламя волновалось, как разъяренное море. Я рад был добраться до моей мельницы, откуда я наслаждался всю ночь этим единственным в своем роде, зловещим, но вместе с тем величественным зрелищем. Пожар Смоленска был еще величественнее: глядя на высокие стены и толстые башни, по которым с яростью взвивалось пламя, я представлял себе Илион (Трою) в роковую ночь, так высоко-художественно описанную Виргилием. Пожар Москвы, обнимавший собою гораздо большее пространство, был менее поэтичен.

Императора Наполеона осуждали за то, что в одном из своих бюллетеней он говорил с восторгом об этой катастрофе. Но он не мог упрекнуть себя в этом случае ни в чем, и без сомнения, он был бы рад сохранить Москву, не из расположения к русским, но

для своей собственной выгоды. Как ни смотреть на пожар Москвы, — как на проявление высокого патриотического чувства, или как на явление, вызванное бессильной злобою, — все-таки, решимость русских сжечь Москву была основана на плохом расчете; сожжение ее не имело и не могло иметь никакого влияния на участь армии. Я уже говорил, что в уцелевшей части города остались огромные запасы и что если бы в нашей армии было более порядка и начальство действовало бы предусмотрительнее, то мы могли бы без труда дойти обратно до Вильно.

Провести зиму в Москве было немыслимо. Мы пробились до этого города, но ни одна из пройденных нами губерний не была нами покорена. Армия генерала Кутузова сформировалась вновь и начала обходить нас с правого фланга; т. к. Тула и Калуга были во власти русских, то она могла раньше нас придти в Можайск и в Вязьму. С другой стороны, мир, заключенный с Турцией, давал армии адмирала Чичагова полную возможность отрезать наши сообщения с Польшей; мы были слишком далеко от Курляндии, чтобы надеяться на какую-либо помощь со стороны корпуса герцога Тарентского. Т. к. Витебск, как показали дальнейшие события, не мог быть нами удержан, то чем долее мы оставались в сожженной или несожженной Москве, тем вернее была наша гибель; мы готовили себе приблизительно такую же судьбу, какая постигла Камбиза в Лидии или армию Александра Великого в пустыне Гедрозии.

Великая ошибка Наполеона состояла не в том, что он пошел в Москву, хотя это была неосторожность с его стороны и против этого восставали почти все его генералы в Витебске и в Смоленске; его ошибка заключалась в том, что он остался в Москве.

Вступая в Москву, Наполеон был поражен тем, что ему на встречу не выехала депутация и что его не встретили с почестями, как в Вене и Берлине; он был этим смущен, не знал, как поступить далее; роковая судьба внушила ему самое пагубное решение. Он был на высшей ступени славы; его звезда померкла в Москве и вскоре закатилась.

Император Наполеон был озадачен, как человек, не привыкший быть обманутым в своих расчетах. Он заперся в Кремле, как будто выжидая время, тогда как при тогдашних обстоятельствах каждый момент становился драгоценнее. Он все еще хотел заблуждаться. Вообразив, что Александр будет просить мира, он был уверен, что русский император поспешит по крайней мере принять этот мир, если он будет ему предложен. Король неаполитанский дал одурачить себя старику Кутузову и

поверил льстивым уверениям других генералов, которые заключили перемирие с тем, чтобы выиграть время, и нарушили его самым неожиданным образом две недели спустя.

На другой же день по прибытии в Москву, Наполеон призвал госпожу Бурсе, директрису французского театра, и приказал ей давать на сцене французские пьесы. Госпожа Бурсе повиновалась, удивляясь спокойствию императора; она дала маршалу Дюроку важные указания, коими пренебрегли потому, что при французском дворе все было спесь и хвастовство. Эта женщина, бывшая долгое время любовницею герцога Брауншвейгского, убитого при Иене, и ранее бывшая в большой дружбе с принцем Генрихом прусским, видела в Москве всех высокопоставленных лиц и знала все, что делалось и замышлялось против нас. Император старался забыться, посещая концерты и театр; он часто играл в бульот и был весел. Чтение журналов и множество декретов, подписанных им в Москве, составляли его препровождение времени; он усыплял себя на краю пропасти. Он хотел также заняться организацией страны, но люди, коим было поручено выполнение этих мер, не имели достаточно энергии и необходимых способностей, чтобы быть на высоте столь трудного положения. Слуги императора были плохи. Принц Невшательский старился; его начальник штаба, генерал гр. Монтион, был человек тщеславный; вообще выбор людей был плох. Талантов было мало, а самомнения бездна.

Мне приходится теперь говорить о мирных переговорах, начатых императором чрез генерала графа Лористона, его адъютанта и последнего посланника в Петербурге. Я содействовал отчасти посылке этого уполномоченного, и вот что мне известно по этому поводу. Горрер, французский эмигрант, которому я спас жизнь и который был дружен с фельдмаршалом Кутузовым, говорил мне, что заключение мира зависит не от императора Александра, а от армии; и что император по желанию народа назначил вновь командующим войском фельдмаршала.

— Вы знали фельдмаршала в Константинополе, — присовокупил он; — вы знаете, что он очень честолюбив и тщеславен; могу вас уверить, что он принял командование армией только в надежде отомстить за Аустерлиц, т. к. император Александр несправедливо приписывает ему потерю этого сражения. Как знает, не сочтет ли он за честь поработать для примирения двух великих империй? Мир зависит от него; если он пожелает, мир будет заключен, без него сделать этого не удастся. Т. к. я знаю его близко, я отправлюсь к нему и позондирую почву; я оставлю здесь в залог жену, мать и детей.

Я передал эти слова Горрера графу Дарю, который в свою

очередь говорил об этом с императором Наполеоном. Два дня спустя мне было приказано явиться к императору, но как раз в этот день я лежал в постели от полученной мной контузии. Я написал графу Дарю, который показал мое письмо императору, и на следующий день генерал Лористон был послан для переговоров. Мне сообщил об этом тот же Горрер, который тогда же сказал, что эти переговоры не приведут ни к чему, т. к. Лористон вез письмо к императору Александру, а не обратились к фельдмаршалу Кутузову как к посреднику, и это не могло быть приятно для самолюбия старого воина. Но император Наполеон не был уже генералом Бонапартом, который мог писать эрцгерцогу Карлу, командующему австрийской армией в Италии, и вести с ним переговоры о мире; в Москве он считал бы унизительным для своего достоинства вести переговоры с кем-либо иным, как с российским императором. Это рассуждение было справедливо в принципе, но на деле было важно выпутаться из затруднительного положения и поэтому следовало поступиться самолюбием. В оправдание Наполеона скажу, что когда я увиделся два года спустя, в Париже, с Горрером, то он признался, что его попытка не имела бы успеха. Он виделся, после нашего отъезда из Москвы, с фельдмаршалом Кутузовым, который сказал ему, что он никогда не согласился бы заключить мир после взятия Москвы, но ежели бы Наполеон предложил ему заключить мир после сражения при Бородине, то он согласился бы на это, чтобы спасти священный для русских город.

Мы потеряли много драгоценного времени на эти переговоры. Наконец император пришел к убеждению, что придется решить дело оружием. Он отправил всех раненых генералов и штаб-офицеров в Смоленск через Можайск и Вязьму; они прибыли благополучно в Вильно, тогда как обоз с провиантом и военными снарядами подвергся нападению со стороны казаков, которые захватили и уничтожили большую часть повозок.

Принц Евгений употребил всевозможное старание, чтобы реорганизовать свой корпус, коим он был очень любим; итальянская гвардия была великолепна. Император приказал ему идти из Москвы первому, занять прежде всего Можайскую дорогу, затем свернуть на старую Калужскую дорогу к Малоярославцу, где он предполагал дать русским сражение и где, как нам было известно, они возвели большие земляные укрепления. Что касается короля неаполитанского, то ему наскучила война; его удерживала в России только некоторая привязанность к Наполеону, хотя он уже имел повод во многих отношениях жаловаться на него.

Князь Экмюльский, посоветовавший Наполеону идти на Москву, занялся теперь ревностно реорганизацией армии для предупреждения катастрофы, которую он уже предвидел. К сожалению, генералы и полковники не особенно любили его за его чрезмерную строгость и пожалуй еще более за его честность и строгое соблюдение дисциплины. Вследствие этого они всегда радовались втайне, когда удавалось помешать его планам; по этой же причине они выказали неуместное удовольствие, когда стало известно, что Наполеон, во время отступления армии, упрекнул его в сердцах за ошибку, которую он заставил его сделать, и назвал его подлецом».

III

Наполеон уехал из Москвы, лелея в душе надежду, что он еще вернется туда; эту призрачную надежду питали многие французы, которые зарывали награбленные ими вещи в землю, полагая, что вернувшись возьмут все с собою. Но эти надежды не осуществились.

«Когда я выехал из Москвы, — пишет барон Дедем, — в ней уже показались казаки. Погода была великолепная, было так тепло, что мы обедали при открытых окнах. Я провел первую ночь на бивуаке близ загородного дома графа Ростопчина, от которого остались одни развалины. Тут я увидел нескольких француженок, которые во что бы то ни стало хотели следовать за армией, хотя я предсказывал им все бедствия, постигшие нас в непродолжительном времени.

Большая дорога была загромождена повозками и экипажами; из них большая часть были до такой степени нагружены или имели такие плохие запряжки, что в первый же день увязли в грязи, из которой не было возможности вытащить их.

Счастье покидало Бонапарта, но, по-видимому, он был готов с покорностью подчиниться своей судьбе и был настолько тверд, что спокойно смотрел на грядущие несчастия; однако его обычная смелость сменилась роковой нерешительностью.

Как только армии стало известно, что мы отступаем, всеми овладела тревога и уныние. Поминутно слышались крики: «казаки». Тогда люди, лошади, повозки стремительно двигались вперед, толкая и давя друг друга.

Император приказал мне вести корпус вице-короля и князя Экмюльского и в то время как принц Невшательский объяснял мне намерения его величества, я имел возможность изучить лицо этого необыкновенного человека, который предвидел все трудности и бедствия, представшие нам, ибо он говорил о них в письме к маршалу Нею.

Мы стремились как можно скорее выйти на Смоленскую дорогу. Погода была прекрасная, но ночи были уже свежие; через день после нашего выступления из Москвы целых двое суток шел дождь; но мы все еще надеялись, что погода будет нам благоприятствовать. Мы миновали Можайск. Тут мы увидели трупы французов, не похороненные во время нашего движения в Москву; к счастью, мороз, который уже порядком давал себя чувствовать, предохранил нас от заразы, которая при иных условиях неминуемо должна была развиться от множества павших трупов людей и лошадей.

17/29 октября император завтракал близ Колоцкого монастыря, где у нас был госпиталь. Генерал Винцингероде, взятый в плен в тот момент, когда он хотел войти в Кремль, полагая, что мы уже оставили его, был представлен императору в Верее. Наполеон обошелся с ним очень резко, под предлогом, что он был подданный короля Вюртембергского и следовательно принадлежал к Рейнскому Союзу, который император считал еще подвластным себе. С молодым Нарышкиным, адъютантом этого генерала, обошлись вежливее; ему дали верховую лошадь, и он сопровождал Наполеона до Колоцкого монастыря; но тут его отправили вперед, чтобы скрыть от него наше бедственное положение, которое было очевидно. Императору и его свите нередко приходилось греться при огне костров, в которых пылали лафеты и зарядные ящики, которые мы уничтожали, не желая оставить их неприятелю.

До Вязьмы наше отступление совершалось в порядке; запряжки артиллерии и повозок были довольно хороши; у нас было достаточно фуража и мы питались припасами, увезенными из Москвы, но, подойдя к Вязьме, неприятель начал нас теснить. Стихии также ополчились против нас; вследствие дождей дороги сделались непроходимы, овраги и ручьи наполнились водою.

Нам то и дело приходилось взбираться и спускаться с маленьких холмов, на которых подъем вследствие заморозков был весьма скользкий. Французы, несмотря на все сделанные ими предостережения, не позаботились подковать лошадей на шипах; это было одною из главных причин, вследствие которых мы потеряли значительную часть артиллерии.

Лошади французской кавалерии были в ужасном состоянии; кирасирские лошади и вообще лошади всей тяжелой кавалерии производили удручающее впечатление; между тем прусские, саксонские и вюртембергские полки имели еще полный комплект лошадей, ибо им аккуратно перевязывали раны и начальствующие лица находились постоянно при своих частях.

Наполеон говорил: «Свыше девяти градусов мороза я не находил в отрядах французской армии ни одного генерала на своем посту»; к сожалению, эти слова были вполне справедливы. Исключения были весьма редки, солдаты были терпеливее начальства, т. к. оно громко роптало, а солдаты горевали молча; и хотя они стали со временем непослушны и дерзки с офицерами, но я ни разу не слыхал, чтобы они бранили того, кто был виновником их несчастья.

Повозки, на которых везли припасы короля неаполитанского, были перехвачены русскими по дороге в Дорогобуж; с тех пор он обедал вместе с императором, но его адъютанты и офицеры его

свиты остались без продовольствия. Т. к. у меня было всего вдоволь, то я предложил им роскошный ужин; у нас было в изобилии мадера, бордо, токайское, кофе и т. п. Мои гости восторгались моим богатством, но этот ужин был моей лебединой песнью; на следующий день моя повозка была опрокинута и смята артиллерией, и дрожки, полные съестных припасов, принадлежавшие одному из моих адъютантов графу Кастель-Бажаку, были захвачены казаками.

Между Дорогобужем и Смоленском холод давал уже себя сильно чувствовать. Пошел снег, и начались настоящие морозы; но по прошествии двух дней наступила оттепель; это было новое бедствие, т. к. французы, увидав, что идет снег, запаслись санями в покинутых русских деревнях, и у повозок все колеса были заменены полозьями. Когда же с наступлением оттепели снег растаял, то экипажи не могли двигаться по грязи, и пехотным офицерам и солдатам пришлось бросить свои съестные припасы. Несмотря на это, дух войска был прекрасен; все еще надеялись, что наши бедствия окончатся в Смоленске, где, как говорили, армия остановится, и как будто бы прибыло из Франции 40000 свежего войска; солдаты надеялись получить там свежий провиант и расположиться на зимних квартирах. Обманчивые надежды рассеялись, когда войско не только не получило в Смоленске ожидаемого рациона, но городские ворота были заперты, лишь только император вступил в город. Армия, вынужденная расположиться бивуаком за стенами города, узнала с отчаянием, что не было и речи о 40000-м войске; все были возмущены, узнав, что императорская гвардия грабила магазины и что вино из императорского погреба продавалось за бесценок.

По приезде в Смоленск, я сильно захворал, стал кашлять кровью и, застудив желудок, страдал дизентерией. Граф Дарю, который ухаживал за мною, как за ребенком и которому я обязан спасением жизни, рассказал мне, что в первый вечер, проведенный в Смоленске, император занимался при сальных свечах, воткнутых в бутылки.

Армия рассчитывала провести некоторое время в Смоленске, но в начале ноября было получено известие, что Витгенштейн переправился через Двину, и что молдавская армия, соединившись с волынской, отбив князя Шварценберга, собиралась отрезать нас от Березины. В армии ходили самые зловещие слухи; говорили, будто русские хотели захватить Наполеона живым и перебить всю остальную армию.

Главная квартира выступила из Смоленска при самых неблагоприятных предзнаменованиях. У меня украли последнюю верховую лошадь, и мне пришлось идти далее пешком. Я оставил

город накануне отъезда из него Наполеона. Было приказано взорвать город, но это не удалось исполнить, т. к. Платов настиг наш ариергард прежде, нежели он успел зажечь городские здания.

Настоящее бедствие началось за Смоленском; дорога была усеяна трупами и умирающими, артиллерия и зарядные ящики были брошены.

После сражения при Красном, в котором была разбита голландская и итальянская гвардия, я думал, что мы погибли окончательно. Русские окружили нас со всех сторон: мне казалось, что для армии не оставалось выхода.

В Дубровне и Орше мы нашли съестные припасы, но беспорядок, господствовавший в армии, был причиной, что они не были выданы правильно; тут повторилась та же история, как в Смоленске: одни получили более, чем было нужно, другим ничего не доставалось, и они гибли от голода.

Известия все ухудшались; 22 ноября я уже не мог более заблуждаться на счет нашего положения, увидав вечером, что граф Дарю жег бумаги императора, и притом самые секретные. Его секретарь, показав ему один документ, лежавший в прекрасном перламутровом ящике, сказал: «Мы не имеем копии с него в Париже». Министр отвечал: «Все равно, сожгите его».

Когда я говорил об этом за ужином с графом, то он сказал мне: «завтрашний день переход через Березину; он решит нашу участь; может быть, я не увижу более Франции, моей жены и детей. Эта мысль ужасна».

До какой степени французское начальство заблуждалось относительно истинного положения дел, показывает то обстоятельство, что после печального перехода через Березину никто не обращал внимания на предостережения, когда им советовали спешить, говоря, что казаки преследуют нас по пятам».

Когда барон Дедем прибыл в Вильно, где уже целых 16 дней не получали известий о Наполеоне, и сообщил генерал-губернатору гр. Гогендорпу о горестном положении французской армии, то последний не поверил ему и уверял, что у него хватит провианта на 100000 человек и что магазины наполнены предметами обмундирования.

«Легко себе представить, — пишет автор записок, — с каким любопытством все меня расспрашивали, в особенности члены дипломатического корпуса. Герцог де-Бассано только и твердил: «не говорите им ничего». Он сам не заблуждался на счет истинного положения дел, но система мистификаций так въелась в плоть и кровь французов, что министры Наполеона хотели во что бы то ни стало, чтобы верили тому, что они говорили, и даже

чтобы ничему и никому не верили.

Я был возмущен фарсом, который разыгрывали в Вильно. 1 декабря был концерт у герцога де-Бассано; на следующий день был большой бал у генерала Гогендорпа. Я слышал, как польские дамы спрашивали друг у друга, указывая на меня: «Кто этот ходящий скелет?» И узнав, что я первый человек, прибывший из армии, многие из них обращались ко мне с вопросом о здоровье их мужей и родных. Несмотря на запрещение герцога де-Бассано, я советовал им уложить вещи и уехать в Варшаву.

Мало-по-малу стали прибывать в армию несчастные солдаты; 6 декабря приехал сам Наполеон, но он остановился в Вильно всего на несколько часов. Вскоре стало известно, что, оставив командование армией королю неаполитанскому, он уехал в Париж. Это возбудило всеобщий ропот и негодование. Я видел, что люди самые спокойные были вне себя от гнева и если бы в этот момент у кого-нибудь хватило духа объявить о низложении императора, то он был бы низложен.

Русские следовали за нашим арьергардом так близко, что вступили в Вильно одновременно с ним; в городе произошел страшный беспорядок. Генерал Гогендорп так мало верил тому, что ему говорили, что он не успел спасти даже своих экипажей.

Печальные остатки наших экипажей, артиллерии и казны остановились на Виленской горе. Французы грабили тут казну заодно с казаками; тут были сожжены трофеи, взятые в Москве.

Армия бежала по дороге в Ковно, где солдаты разграбили водочные склады, пили до опьянения и сотнями падали замертво на улицах. Ковно было сожжено; разрозненные остатки «Великой армии» прибыли в Кенигсберг, где все были еще так далеки от мысли о подобной катастрофе, что их приняли за отсталых и думали, что главные силы армии ушли в Варшаву».

Извлеч. ***В. В. Тимощук.***

notes

Примечания

1

В 1900-м (*прим. верстальщика*).

2

Memoires du general baron de Dedem de Gelder (1774–1825). Un general hollandois sous le premier empire. Paris (*прим. «Русской старины»).*

3

Все числа приведены по новому стилю (*прим. «Русской старины»)*.

4

Наполеон заказал своему батальному живописцу большую картину, изображающую переправу через Неман. Я видел эскиз этой картины у кн. Меттерниха в 1815 г. Она исполнена как нельзя более близко к истине. (*Прим. автора*).

5

Mathieu-Dumas, главный интендант армии (*прим. «Русской старины»*).

6

Наполеону приписывали намерение вызвать восстание народа против дворянства и даже говорили, будто он принял к этому меры. Но подобный образ действий шел слишком в разрез с его личными интересами и с его деспотической системой правления, чтобы можно было этому поверить. (*Прим. автора*).